

ВЕЛИКИЙ КОМИК

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СО ДНЯ СМЕРТИ КОНСТАНА КОКЛЭНА

Минуло четверть века со дня смерти Константа Коклена, великого комика французского театра. С фотографий и рисунков глядит умное лицо очень молодого старика. В уголках прищуренных глаз — ирония. В линии извилистого рта есть что-то, напоминающее рот Эразма Роттердамского в портрете Гольбейна. И, наконец, нос — знаменитый вздернутый нос Коклена с развернутыми ноздрями — нос, который французы замечательно называют «ouvert à tous les vents» — открытый всем ветрам.

Коклен был сыном булочника-кондитера из маленькой «Булони на море». 18 лет от роду (Коклен родился в 1841 г.) он очутился в классе знаменитого Ренья в Консерватории. В 1860 г. он получил на выпуске вторую премию в комедии и 7 декабря того же года дебютировал в пьесе Мольера в «Comedie française».

Коклену повезло. Через два года он блистательно сыграл Фигаро и в 22 года стал «общинком французской комедии», т. е. полноправным членом этой своеобразной актерской «артели».

Коклен был на сцене почти полвека. Его актерский путь был блестящим и удачливым. В «Доме Мольера» Коклен был одним из лучших актеров Мольера. Он был вообще страстным ревнителем классического репертуара. Его исполнение комических слуг было несравнимым. Коклен знал тайну «великого смеха». Его юмор, его веселость уходили своими корнями в золотые театральные века.

Коклен был ярким врагом натурализма на сцене. И столь же ярким поборником натуральности. Он говорил, что не верит в искусство, не согласное с естественностью, но он не хотел видеть на театре и естественность без искусства. Коклен

Коклен старший

Шарж Аландра

считал, что актер должен создавать портрет. Он понимал, что материал актера — он сам.

В своих размышлениях Коклен любил повторять Дидро, говорившего, что для того, чтобы трогать, не надо быть растроганным. Это приводило Коклена к утверждению зыскательного мастерства на сцене.

Рассказ о том, каким должно быть мастерство на сцене, составляет содержание увлекательной книги Коклена «Искусство актера». Этот небольшой трактат дважды переводился на русский язык, но его практическая мудрость, его тончайшие замечания, к сожалению, еще недостаточно освоены нашими актерами.

Требую от актера умения говорить перед полуторатысячной аудиторией. Коклен определяет произнесение как «вежливость актера». Он говорит, что произнесение — это «рисунки, набро-

санный дикцией», что надо произносить так, чтобы «образ произносящего» был увиден даже с закрытыми глазами. «Произносить — значит придавать мысли форму», — учит Коклен.

Коклен питает огромное уважение к автору. Он требует от актера понимания индивидуальной природы каждого драматурга и умения отразить на сцене это своеобразие. Свой тезис Коклен удачно иллюстрирует анализом творчества Дюма-отца и Дюма-сына. Он говорит о правоучительной миссионерской природе пьес сына и о полной беззаботности по части морализирования — отца. «Слова отца — ракеты; слова сына — выстрелы». И актер обязан перелать в своей игре это различие.

Коклен был комиком, мечтавшим играть драматические и даже трагические роли.

Когда Коклен спросил однажды Сару Бернар: «почему он не имеет успеха в драматических ролях», она ответила: «Но, Коклен, это из-за твоего носа; он придает тебе в величии и даже в страдании комическое выражение». «Измумительно», — воскликнул Коклен, — но я все-таки покажу тебе своего Перона».

Констант Коклен известен, как «Коклен старший». У него был брат Эрнест — Коклен младший — также замечательный комический актер своего времени. Эрнест был комиком, у которого было настоящее драматическое «натур» (то, чего, пожалуй, не было у Коклена-старшего). Наш соотечественник Ив. Шеглов считает, что Эрнест несправедливо оставлен в тени, ибо в таких ролях, как Фигаро, младший Коклен доводил зрительный зал до иступленного восторга.

О младшем Коклене стоит вспомнить и потому, что четверть века отделяет и его кончину от наших дней.

Братья Коклены были таким же примером замечательной дружбы в театре, как братья Гонкуры в литературе.

Эрнест никогда не называл Константа «Coquelin aîné, для него он был просто «Coquelin», т. е. «единственный».

Коклены умерли в одном и том же 1909 году. Меланхоличный Эрнест, «бедный Коклен», как вспоминали о нем его друзья, всего лишь на несколько дней пережил брата.

Коклен-старший, не раз бывавший в России. Сейчас, вспоминая о нем через 25 лет, хочется, чтобы не только легкой тенью мелькнул образ «великого комика», но чтобы его творчество и его мысли о театре были изучены, продуманы и пошли на творческую потребу нашего советского театра.

Н. ВОЛКОВ